

УДК 81

ТИПА И LIKE – НОВЫЕ РЕЗИДЕНТЫ В «ДОМЕ НАШЕГО БЫТИЯ»

Т.Б. Михайлова

Байкальский Государственный Университет Экономики и Права, Иркутск

Ставится вопрос о характере и причинах появления в современном русском и английском языках маркеров недостаточной ассертивности. Высказывается предположение о влиянии изменений в области языковых взаимодействий на когнитивное развитие человека и намечается возможное направление анализа происходящих языковых изменений с опорой на биологию познания как теорию живых систем.

Ключевые слова: взаимодействия, наблюдение, языковая среда, ниша, познание, ценность.

Так ли бессмысленны «слова-паразиты»?

Одним из заметных явлений в современной языковой практике стало частое употребление слов *типа* в русском и *like* в английском языке. В последние годы этот процесс принял характер лавинообразного, чем привлёк внимание лингвистов в разных уголках мира [2; 6; 11; 13]. Сегодняшних подростков (именно они являются основными носителями слова *типа*) называют «поколением “типа”» [6], а выражение «А ты, что, типа, самый умный?» считают крылатым.

Приведём несколько примеров, взятых из фильмов, Интернета, социальных сетей, материалов Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ), Британского национального корпуса (далее – BNC), корпуса современного американского английского языка (далее – COCA) и собственных наблюдений за речью говорящих людей.

- (1) – А ты что, у папы моего работаешь?
– Ну, да. Я так, *типа*, менеджером (Сериал «Реальные пацаны» на ТНТ 1-й сезон).
- (2) А кашу тоже, *типа*, варить надо? (НКРЯ).
- (3) – Where can I find razor blades?
– Do you mean, *like*, for a razor? (A shop assistant in a supermarket)
- (4) I've been to, *like*, France and Spain. You know, Europe. And they're, *like*, so cool (BNC)
- (5) You are from Belize? That's, *like*, south? (COCA)

Возникает целый ряд вопросов. Почему в двух разных языках наблюдается, по сути, одно и то же явление, связанное с изменением узуса сходных по значению слов (русское *типа* и английское *like*)? Зачем говорящий использует эти слова? Почему в нормальные высказывания «Я менеджером работаю» (1), «Кашу варить надо?» (2), «Вы имеете в виду, для бритвы?» (3), «Это на юге?» (5) и т. д. говорящий добавляет слова *типа* и *like*? Почему эти слова стали вездесущими в речи молодёжи? Какие изменения, произошедшие в обществе, могли стать причиной их массового употребления?

Согласно опросу, проведённому на одном из английских молодёжных форумов, слово *like* занимает верхнюю строку в списке слов, которые не хочет слышать в речи собеседник. Не лучшим образом обстоит дело в России – что, тем не менее, никак не мешает словам *tuna* и *like* «украшать» речь, в том числе, образованных людей, способных к языковой рефлексии. Но если эти слова упорно проникают во все сферы языковой практики, значит, это чем-то вызвано, поскольку в мире всё взаимосвязано. Большинство лингвистов определяют слова *tuna* и *like* как часто употребляемые бессмысленные слова, возникающие в спонтанной, слабо контролируемой устной речи говорящего и свидетельствующие о его беспокойстве, нервном состоянии и/или о небольшом словарном запасе [6]. Универсальным средством по их устранению выступает контролирование речи и предварительная подготовка говорящего к высказыванию. Однако приведённые выше примеры вряд ли можно считать образцами неподготовленной речи, где говорящий нервничает или обеспокоен. Иного мнения придерживается М. Сигел [13]. После тщательного изучения записей разговоров подростков она сделала вывод о том, что слово *like* употребляется в ситуациях, когда говорящий крайне неуверен в том, что он говорит. Частое использование данного слова свидетельствует о том, что оно служит говорящему своего рода «опорой» или «помощником»: услышав и распознав его как сигнал неуверенности, собеседник, возможно, поможет говорящему. Принимая во внимание наблюдения М. Сигел, мы предполагаем (пока интуитивно), что её выводы о связи слова *like* с возникающим у говорящего чувством неуверенности верны, и называем слова *tuna* и *like* «маркерами недостаточной ассертивности». Мы хотим проследить истоки и обнаружить причины возникновения растущей неуверенности у молодёжи.

Истоки неуверенности

Согласно данным НКРЯ, BNC, COCA, употребление слов *tuna* и *like* приобретает массовый характер в начале 2000-х гг. Характерной особенностью этого временного отрезка является внедрение в повседневную жизнь глобальной сети Интернет как главного источника хранения и передачи информации. Человека, активно пользующегося Интернетом, гордо называли «человеком XXI века». Интернет обеспечил свободный и быстрый доступ к информации и высокую скорость её передачи, завоевав авторитет и признательность у своих пользователей. С его помощью человек надеялся не только изменить процессы материального производства, но и облегчить и интенсифицировать свою интеллектуальную деятельность. Однако надежды, возлагавшиеся на Интернет как источник знаний, способствующий когнитивному развитию человека, не оправдались. Резкий рост объёма информации, в которую погрузился человек, не привёл к соответствующему росту знаний, если под знаниями понимать способность человека адекватно взаимодействовать с окружающим миром.

Согласно положениям традиционной лингвистики, язык – это код, с помощью которого осуществляется коммуникация как «обмен информацией», в процессе которого говорящий «вкладывает» находящиеся в его голове «смыслы» в языковые знаки и «отправляет» через «каналы связи» (речь или письмо) получателю, который эти смыслы «извлекает» (критику кодовой мо-

дели см.: [3; 9]). Однако у каждого, кто, так или иначе, интересовался тем, что происходит в процессе языковой коммуникации, рано или поздно возникает вопрос: почему в реальных языковых взаимодействиях человек зачастую испытывает серьёзные проблемы с «расшифровкой» этого самого общего кода?

Современные школьные учителя и преподаватели вузов не понаслышке знают, что молодые люди часто оказываются не в состоянии «извлечь» информацию из прочитанного текста, хотя формально они являются грамотными людьми, т.е. умеют читать и писать, а мир, в котором мы живём, в значительной степени является миром на бумаге, в котором человек должен уметь ориентироваться. Получается, что погружение современного человека в необъятное море информации не способствует развитию когнитивных способностей, необходимых для ориентирования в текстовом поле языка [3], хотя тексты в современном обществе (законы, правила, инструкции, предписания и т.п.) регламентируют буквально каждый наш шаг, самым непосредственным образом влияя на то, как мы живём. Неспособность адекватно интерпретировать тексты (в том числе и электронные) постепенно лишает человека уверенности в том, что знание, которым он располагает, может служить ему надёжной опорой во взаимодействиях с другими. А поскольку мы, как люди, существуем в языке как «доме нашего бытия» [7], эта неуверенность не может не отражаться в этом самом языке.

Ключевая роль письма в когнитивном развитии человека

В попытках включить слова *tuna* и *like* в список «слов-паразитов» [6], частиц дискурса [13], «дискурсных маркеров» [3] лингвисты так и не смогли объяснить главной причины выхода данных слов за пределы узуальной нормы и утверждения новой, нелитературной в качестве общепринятой и широко используемой в разных частях света не только подростками. Причина такого положения, на наш взгляд, кроется в неадекватном определении объекта, а вместе с ним и предметной области лингвистики. На протяжении почти всей истории языкознания язык рассматривался как автономная материальная сущность, существующая в объективном мире вне человека; её главной функцией трактуется коммуникация как средство обмена закодированной информацией (значениями), осуществляемого через «канал связи» [12]. Подход к коммуникации как сущностному свойству языка, а к информации как внешнему манипулируемому предмету, обладающему значением, представляется ошибочным, он не может служить эпистемологической основой науки, целью которой является моделирование своего объекта с целью понимания его природы, устройства и той роли, которую он играет в устройстве мира, постигаемого человеком.

Неадекватная своему объекту кодовая модель языка лежит в основе организации образовательного процесса и используемых в нём методик, что не способствует решению задач, стоящих перед системой образования. Подход к знанию как материальному объекту, который существует в виде готового к извлечению и употреблению продукта, коренным образом отличается от подхода к знанию как состоянию [10] и знанию-как-действию [5], связанному с ориентированием человека в мире. Знание не приобретает человеком в готовом виде, оно им конструируется в ходе взаимодействий с миром, и потому

для каждого человека это его собственное, индивидуальное знание, пропущенное через собственный жизненный опыт, или «живое знание» [1; 14].

Однако сегодня обучение языку, как и 200 или 300 лет назад, происходит путём инструктирования: учащемуся сообщается набор правил, объясняющих принципы правильного построения языковых произведений разной степени сложности (от слова до предложения); проверка полученной им суммы знаний осуществляется через умение соединять отдельные слова в последовательности через их написание и умение озвучивать графические репрезентации, а человек, умеющий читать и писать, считается грамотным. Однако озвучить «буквенный код» слова не означает понять его. Как подчёркивал в своем обращении по поводу Международного дня грамотности Генеральный директор ЮНЕСКО К. Мацуура, грамотность — это не просто когнитивная способность читать, писать или считать, грамотность помогает в приобретении важных образовательных и жизненных навыков, которые, закрепляясь через использование и применение на протяжении всей человеческой жизни, способствуют непрерывному индивидуальному, коллективному и общественному развитию [3]. Эту мысль можно продолжить, указав, что такое непрерывное развитие самым тесным образом связано с человеческой способностью надевать различные явления значениями. Таким образом, значение слова является закреплением опыта употребления данной сущности в общественной практике, и чем больше вовлечённость его в сферу опыта человека, тем больше у слова шансов обрести значение, обусловленное опытом человека.

Сегодня всё чаще звучит мнение, оправдывающее нечитающее поколение в связи с его умением оперировать другими видами текстов, значимость которых определяется реалиями сегодняшнего дня, например, мультимедийными гипертекстами. Однако следует помнить, что в фазу научного познания, которое определило развитие мировых цивилизаций, человеческое общество вступило благодаря изобретению письменности. Не будь графического слова — не было бы науки как системы знания, обслуживающей потребности человеческого общества. Пытаясь оценить ценность и значимость письма в развитии цивилизации, достаточно сравнить народы с письменной и бесписьменной культурой: мы увидим ощутимую разницу в развитии соответствующих обществ. Если благодаря естественному языку человек получил непревзойдённые по сравнению с другими существами преимущества по адаптации к среде обитания, то благодаря письменному языку он достиг такого этапа в своем развитии, когда уже стало возможным осуществлять контроль над этой средой и управление ею [3]. Можно предположить, что письмо играет решающую роль в когнитивном развитии человека, а отход от культуры чтения современного человека и одновременное возникновение в его речи маркеров недостаточной асертивности имеют тесную взаимосвязь. Попытаться выяснить, существует ли такая связь на самом деле, можно, уйдя от кодовой модели языка и коммуникации и обратившись к познавательным установкам биологически ориентированной когнитивной науки.

Биология познания как метод исследования

При изучении языковых фактов в рамках традиционного языкознания лингвистика делает упор на разнообразные описательные теории, которые

анализируют и классифицируют отдельные свойства рассматриваемых фактов, не выходя за рамки самого явления. Поэтому при необходимости обратиться к тому, чему данные языковые факты обязаны своим возникновением, лингвисты обращаются к смежным областям научного знания. Проблема лингвистики и смежных наук о языке состоит в том, что вопрос о биологической функции языка просто не ставился, в связи с чем природа языковой способности как важнейшего и загадочнейшего свойства человека и роль языка в эволюции человека как биологического вида остаются непонятыми и необъяснёнными. Познавательные установки когнитивной науки третьего поколения позволяют определить функции языка при подходе к языковой деятельности в рамках биологии познания [5], где язык, являясь отличительной когнитивной способностью человека, представляет собой биологически укоренённую, социально-обусловленную, когнитивно-мотивированную, кругообразно организованную деятельность ориентирующего характера в области взаимодействий, которые определяют и поддерживают когнитивную нишу человеческого общества как живой системы.

Человек – существо социальное, и большая часть его взаимодействий с миром на протяжении жизни – это языковые взаимодействия, в ходе которых он научается координировать своё поведение с координациями поведения других, или общаться. Два разных организма (познающие субъекты, наблюдатели), будучи структурно детерминированными системами, могут «обрабатывать» только ту «информацию», которая определяется структурой соответствующей каждому организму нервной системы. История онтогенетического структурного сопряжения у каждого организма уникальна, соответственно, значение слова никогда не будет одной и той же «объективной» вещью у разных людей. Информация – это процесс уменьшения степени неопределённости при встраивании организма в среду. При языковой коммуникации эта неопределённость всегда присутствует как следствие структурной детерминированности общающихся организмов, влияющей на их языковое поведение.

В биологии познания под информацией понимается деятельность ориентирующего характера, модифицирующая поведение ориентируемого организма. Само слово *информация* является не предметным именем, а именем процесса. Сутью коммуникации (т. е. установления связи с другим членом сообщества) является не столько обмен чем бы то ни было, сколько вовлечение другого в сферу своих взаимодействий с миром с целью оказать на этого человека ориентирующее воздействие, т.е. изменить в той или иной степени состояние среды, в которой находится «адресат», таким образом, чтобы это изменение вызвало со стороны «адресата» ту или иную поведенческую реакцию. В результате происходит встраивание человека в окружающую социокультурную среду и приспособление к ней. Чем больше и разнообразнее степень вовлечённости человека в реляционную область языковых взаимодействий, тем выше его адаптивная функция при ориентировании в социокультурной среде. При этом характер языковой среды (личное пространство, домашняя территория, общественная территория) должен постоянно меняться, способствуя росту адаптивной способности человека при ориентировании в окружающей его действительности.

Познание человеком окружающей действительности на протяжении долгого времени определялось мифами и легендами, которые порой оказывали негативное влияние на развитие человека и общества. Решающая роль разума и науки, ведущая к кардинальным переменам в различных областях жизнедеятельности человека, была убедительно показана и доказана в эпоху Просвещения. Популяризация знания проходила при мощной поддержке книгопечатания. Издание Дидро первой крупной энциклопедии не столько предоставило человеку доступ к знанию, которое накопило человечество, сколько доказало ключевую роль интеллекта как движущего фактора эволюции человека. Преодолев пространственно–временные границы естественного языка, печатное слово расширило круг языковых взаимодействий человека, позволило человеку выйти за пределы окружающей его «здесь-и-сейчас» действительности, открыв доступ к категоризированному опыту взаимодействий предыдущих поколений со средой и себе подобными.

Взаимодействие с текстами как культурными артефактами формирует интерпретативные способности человека, влекущие за собой определённую поведенческую реакцию, а их развитие находится в прямой зависимости от совокупного опыта разнообразных контекстов употребления графического слова в текстовом поле языка. Вопреки основанной на языковом мифе вере в то, что при чтении человек «извлекает» из текста информацию или знания, «вложенные» в него автором, ничего подобного на самом деле не происходит. То, что человек, якобы, извлекает из прочитанного текста в виде некоторых «сведений», есть выводное знание [8], которое он конструирует, проецируя свой жизненный опыт на структуру языковленного мира, которая задаётся текстом. И если сама эта логика, в соответствии с которой построен текст, не является частью его когнитивного опыта, процесс получения выводного знания просто не может быть запущен. Именно недостаток опыта взаимодействий в текстовом поле языка, когда детям не прививается любовь к чтению, перерастающая в дальнейшем в насущную потребность, ведёт к проблемам их адекватного взаимодействия с окружающим миром во взрослой жизни.

Сегодня высокой уровень развития науки требует соответствующего уровня интеллекта современного человека. В когнитивной науке 3-го поколения формирование интеллекта человека напрямую связывается с его погружённостью в область языковых взаимодействий, играющих решающую роль в общем когнитивном развитии индивида и социума. Характер и особенности онто- и филогенеза человека и его эволюция как вида самым непосредственным образом зависят от особой экологической ниши, образуемой когнитивной областью языковых взаимодействий [4]. Анализ маркеров недостаточной асертивности с биокогнитивных позиций позволит нам проследить истоки возникновения *turna* и *like* и объяснить их ориентирующую роль в языковых взаимодействиях.

Список литературы

1. Залевская А. А. Индивидуальное знание. Специфика и функционирование. Тверь: Твер. гос. ун-т., 1992. 134 с.
2. Каменский М.В. Дискурсные маркеры в свете когнитивно-дискурсивной парадигмы // ACTA LINGUISTICA. 2013. № 2. С. 108–119.

3. Кравченко А.В. От языкового мифа к биологической реальности: переосмысляя познавательные установки языкознания. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2013. 389 с.
4. Кравченко А.В. Два взгляда на экологию языка и экологическую лингвистику // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. С. 90–99.
5. Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект. М.: Прогресс, 1996. С. 95–142.
6. Разлогова Е.Э. К вопросу о специфических употреблениях модальных слов: слова-паразиты в русской и французской речи // Вестник Московского университета. 2003. Вып. 6. С.152–169.
7. Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. 448 с.
8. Grice H. P. *Studies in the Way of Words*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1989. Pp. 339–385.
9. Harris R. *The Language Myth*. London: Duckworth, 1981. 228 p.
10. Marurana H. et al. Brain, language, and the origin of the human mental functions // *Biological Research*. 1995. Vol. 28. Pp. 15–26.
11. Kastronic L. Discourse *like* in Quebec English // *University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics*, 2011. Vol. 17. № 2. Pp. 103–114.
12. Reddy M. The conduit metaphor // A. Ortony (ed.), *Metaphor and Thought*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. Pp. 284–324.
13. Siegel M. *Like*: the Discourse Particle and Semantics // *Journal of Semantics*, 2002. Vol. 19(1). Pp. 35–71.
14. Zalevskaya A. *Interfacial Theory of Word Meaning*. London: IASHE, 2014/ 180 p.

TIPA AND LIKE – NEW RESIDENTS IN «THE HOUSE OF BEING»

T.B. Mikhailova

Baikal State University of Economics and Law, Irkutsk

The article raises the issue of the nature and causes of the emergence of deficient assertion markers in contemporary Russian and English. It is hypothesized that changes in the domain of linguistic interactions affect humans cognitive development in ontogeny; a tentative approach to the analysis of on-going language changes is put forward and supported by the biology of cognition as a theory of living systems.

Keywords: linguistic interactions, observation, linguistic environment, cognitive niche, value.

Об авторе

МИХАЙЛОВА Татьяна Борисовна – аспирант кафедры иностранных языков Байкальского государственного университета экономики и права, e-mail: tanyambl@mail.ru